

счастья своих народов, примирившиеся с потерей национальной свободы и перешедшие на службу к завоевателям. Конечно, это были лишь единицы в общей массе рабов, которые несли тяжелую работу в армии, служили на галерах, находились в услужении у турецких феодалов и т. д.

Увод жителей в рабство и их отуреченье было для турецких феодалов одним из методов политики ассимиляции балканских народов. О том, какими жестокими, изощренными средствами проводилась эта политика, свидетельствует «кровавая дань» — набор янычаров. В XIV—XV вв. янычарские корпуса формировались из числа пленников-христиан. Кроме того, наиболее здоровые мальчики насильственно отбирались у родителей и отправлялись на обучение в Малую Азию. Набранных в янычары детей турки обращали в мусульманство и воспитывали в духе религиозного фанатизма, ненависти и презрения к народам, выходцами из которых эти дети являлись. «... Подобно бешеным собакам, они всегда испытывают непримиримую, смертельную вражду против своих соплеменников», — пишет о таких людях Дука¹. Пользовавшиеся особыми привилегиями янычары в XV—XVI вв. были лично преданной султану гвардией, одной из основ военного могущества Турецкого государства.

Ассимиляторская политика султанов преследовала цель — увеличить численность турок, немногочисленного, отсталого народа, укрепить позиции завоевателей на покоренных территориях.

Одним из средств укрепления господства завоевателей на Балканском полуострове была также колонизация южнославянских областей переселенцами из Малой Азии. Еще во второй половине XIV в. султан Мурад I переселил в северную Фракию, северную Болгарию и Македонию много туркмен из Малой Азии². В дальнейшем турки вели систематическую колонизацию как городов, так и сельских местностей, в особенности расположенных на стратегических и торговых путях, в плодородных местностях, на побережье Черного, Мраморного и Эгейского морей. Особенно много турецких поселений возникло в долинах рек Дуная и Марицы, на черноморском побережье в Болгарии, которая была расположена в непосредственной близости от Константинополя и служила для турок хозяйственной и стратегической базой при осуществлении их дальнейших завоеваний в Европе.

Турецкое завоевание сопровождалось громадным разрушением производительных сил южнославянских народов и повело к экономическому упадку стран Балканского полуострова. Многие города и села лежали в развалинах. Численность населения резко сократилась.

Бертрандон де ла Брокьер, проезжавший через Балканский полуостров в 1433 г., рассказывает, что около Адрианополя деревни были оставлены жителями и совершенно опустошены. Путешественники нигде не могли достать продовольствия и принуждены были все необходимое возить с собой³. Позднее, уже во второй половине XVI в., немецкий путешественник Герлах писал в своем дневнике путешествия по Балканскому полу-

они среди всех племен людей, обреченных на несчастную мужицкую жизнь, не почитающих единого бога, о котором возвестил пророк; их они сделали благочестивыми и счастливыми, наградили чинами и славными должностями. Из этих людей и я происхожу, и значительная часть слушающих меня» (Ducas, p. 130).

Если даже считать, что Дука несколько преувеличивает количество выходцев из покоренных народов, попадавших в среду высшей феодальной знати Турции, сам факт наличия их среди турецких высших чиновников и военачальников неоспорим.

¹ Ducas, p. 139.

² П. Ников. Турското завладение на България и съдбата на последните Шишмановци. Изв. ИДр, кн. VII—VIII, 1928, стр. 46.

³ К. Иречек. Указ. соч. Пер. Сп., кн. III, стр. 67, 70.